

Марат Валеев

Не чужие

Невыдуманные рассказы

Марат Валеев

**Не чужие.
Невыдуманные рассказы**

«Издательские решения»

Валеев М.

Не чужие. Невыдуманные рассказы / М. Валеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854437-8

Сборник не случайно так называется — «Не чужие». Все происходящее в нем события, коллизии случаются на его страницах именно между родными и близкими людьми. Их невозможно придумать, потому что все, что в этой книжке описывается, продиктовала сама жизнь. Реальная жизнь. И потому каждый рассказ сборника читается с неослабным интересом и волнением.

ISBN 978-5-44-854437-8

© Валеев М.
© Издательские решения

Содержание

Обида	6
Я копаю бормышей...	9
Ломоть хлеба с салом	12
За дядю Яшу	15
Нож	18
Доктор по железу	23
Чуть не убили	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Не чужие Невыдуманные рассказы

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2017

ISBN 978-5-4485-4437-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обида

На днях моему братишке Рашиту, самому младшему из троих братьев (сестренка Роза замкнула ряд детей наших родителей) исполнится 60.

Просто не верится, не монтируется как-то эта цифра и мой озорной, веселый брат. Впрочем, это всегда так бывает, когда у тебя есть младший брат (посередке у нас был еще и Ринат, но, увы, сейчас его нет среди нас), он для тебя, старшего, всегда остается пацаненком.

Я рано покинул родительский дом, когда братья мои совсем еще были мальчишками. И на три года исчез из родных краев: год работал на бетонном заводе на Урале, потом два года служил в армии. Но пока мы были вместе, конечно же, как старший брат, я опекал младших, заступался за них в случае необходимости (но надо признать, такой необходимости практически не было – не помню случая, чтобы кто-то обидел на улице моих младших братьев).

Однако на правах, же старшего, мог и наказать кого-то из них, обидеть – что тоже было крайне редко, мы жили очень дружно). Но однажды я ненароком обидел Рашитку, да так, что сам же на себя за него и обиделся. А произошло это так.

Я только вернулся из армии в родное село Пятерыжск, устроился на работу и в свободное время нередко предавался своему любимому занятию – рыбалке. Вот так однажды июньским погожим деньком в свой законный выходной – воскресенье, я сидел в лодке на озере Долгом, отплыв подальше от купального места Красненький песочек, где с утра до вечера любила плескаться пятерыжская детвора.

Облюбовав уютный тюпик (уголок озера), я привязал лодочную цепь за собранные в кучку камыши, наживил пару жерлиц на щуку (чебачков наловил с утра пораньше недалеко от Красненького) и закинул удочку в оконце между кувшинками, где, сверкая серебряными боками, неспешно плавали в зеленоватой водной толще сороги.

Закурив, я не спускал глаз с перьевого поплавок, пока что недвижно замершего на зеркальной водной глади. Здесь мог клюнуть не только чебак, но и окушок, а то и крутотбокий, цвета темной бронзы линь. При этом надо было следить и за жерлицами – щук в Долгом всегда было много и любая из них могла вот-вот схватить медленно плавающего среди водорослей живца.

Впрочем, если бы я даже визуально прозевал щучью хватку, я бы ее услышал: мои внушительные полавки, выструганные из белого пенопласта, резко уходили под воду с довольно громким характерным звуком; «Буппп!», что означало – щука схватила живца и удирает с ним куда поглубже.

Погода, повторюсь, была замечательная: ослепительно сияло солнце в безоблачном небе, было пока еще не очень жарко, безветренно, так что даже «маралки» – темно-коричневые цилиндрические кисточки рогоза, – слегка колыхались лишь под тяжестью стрекоз, иногда усаживающихся на них, трепеща своими прозрачными слюдяными крылышками.

Со стороны Красненького песочка доносились радостные детские крики, визги и смех, всплески воды купающихся детей. Я тоже обязательно искупаюсь там, но после рыбалки, это не ранее, чем через два-три часа, уже в самую жару. А пока...

Чу, поплавок на моей удочке часто-часто заклевал, а потом плавно поехал вбок. Я быстро, но неспешно потянул удилище кверху и на себя. На крючке трепыхалась приличная сорога с оранжевыми хвостом и плавниками. Снял ее и плюхнул в ведро, где уже темнели спинки пары десятков чебачков (он же – сорога) и окушков, выловленных еще с утра пораньше у Караталова куста.

Поправил червя и снова закинул удочку. И поплавок тут же юркнул в глубину. Когда вытаскивал улов, удилище аж изогнулось. Окунь, и довольно крупный! А за спиной слыша-

лось: «Бупп!». Я мгновенно обернулся – толстое удилище жерлицы ползло по носу лодки, вслед за стремительно удаляющимся под водой размытым силуэтом белого поплавка. Щука!

Я успел ухватить за конец удилища и стал медленно подтягивать к лодке отчаянно сопротивляющуюся хищницу.

– Щас я тебя все равно выворочу! – бормотал я пересохшими от волнения губами. Сердце же мое бухало в груди кузнечным молотом. – Никуда ты не денешься, голубушка!

Но эта тварь рванула в самую гущу кувшинок, и желтые их цветки, вздрагивая, исчезали под водой, влекомые натянутой до звона леской. В конце концов, щука там запуталась и я шлепнулся на жесткое сиденье лодки, когда из воды в обрамлении брызг и болтая обрывками светло-зеленых стеблей кувшинок, вылетел мой пустой тройник. Сошла...

– Сошла, тварь! – в отчаянии заорал я на все озеро. Кажется, даже детишки притихли от моего рева там, на Красненьком. И в это же время я услышал странные шлепающие звуки. Посмотрел в ту сторону, откуда они доносились, и увидел, что ко мне приближается чья-то лохматая голова в плавательной маске.

Пловец шумно загребал воду загорелыми руками и добавлял себе ходу ногами в блестящих черных ластах. Это был Рашит. Было ему в ту пору лет пятнадцать, и он уже был ростом, да и фактурой, с меня, хотя я уже отслужил в армии (витаминов мне, что ли, не хватало в детстве?). И потому волны от него шли довольно заметные.

Аквалангистское снаряжение он выдал из родителей, и был уже не один такой в деревне «ихтиандр» – в 70-е годы сельчане, ставшие жить несравненно лучше, чем в 50–60-е, уже могли позволить себе покупать своим детям даже мотоциклы. Потом и у нас появился «Восход», папка взял вроде бы как себе, но рассекал на нем, понятное дело, Рашит, пока средний наш братан Ринат учился в «фазане» в Павлодаре.

Но сейчас братишка мой был не на мотоцикле, а в маске и в ластах. Пришел купаться с утра, разглядел с Красненького меня, торчащего в лодке и иногда вскакивающего и зачем-то подпрыгивающего, и решил навестить.

Плыл он довольно быстро, и вот уже от его рассекающего воду тела к моей лодке побежали пусть и невысокие, но волны, заплюхались о деревянные борта. Заплясали разволновавшиеся поплавки удочки и второй жерлицы. Черт, так он же мне всю рыбу распугает! А ведь только-только клев налачился...

– Ты зачем сюда плывешь? – довольно неприветливо осведомился я у торчащей из воды патлатой головы со сдвинутой на лоб маской.

– Так это... Посидеть хочу у тебя в лодке. А хочешь, рыбу тебе подгоню?

И Рашит снова хлопал по воде руками и ластами, распугивая остатки рыбы.

– Ты че делаешь, ихтиандр чертов? – зашипел я вне себя. – А ну греби отсюда! Всю рыбалку мне испортил!

– Ну ладно, ладно, – пожал в воде мокрыми плечами братишка. – Рыбачь. А я тогда поплыл обратно.

Он сказал это вроде бы равнодушно и вновь надвинул на лицо маску. И я тогда, раздраженный, не сразу понял, что под маской этой скрылась мимолетная тень обиды на его лице. Рашит поплыл обратно к Красненькому песочку, подставляя солнцу уже обожженную до малиновой красноты спину.

А я, успокоившись, наживил пустую жерлицу, с которой только что сошла ну просто огромная щука. Затем презакинул удочку и снова уставился на поплавок, тихо покачивающийся на постепенно успокаивающейся водной глади Долгого. И скоро распуганная было рыба вновь вернулась к моей лодке (вообще-то не моей – я обычно заимствовал их то у одного, то у другого из пятерыхских рыбаков, промышляющих сетками и вентерями на озере), и я стал с азартом таскать чебачков и окуней, а время от времени – и щук.

А Рашит уже уплыл обратно на Красенький песочек и я, различая издали в общем гомоне купающихся детей его голос и смех, с запоздалым раскаянием подумал, что зря прогнал брата. Ведь он проплыл ко мне, ни много ни мало, метров двести только в один конец, а потом столько же обратно, когда я его турнул от лодки.

Парнишка наверняка устал – это было понятно по его тяжелому дыханию, и надо было пустить его в лодку, пусть бы посидел рядом со мной, отдохнул, поймал пару чебачков, а потом уж плыл бы себе обратно. А я же нет – охваченный рыбацким азартом и раздраженный тем, что он своим плеском распугает всю рыбу в округе, без всякой жалости прогнал его. И так мне стало стыдно там, в лодке, что я даже закричал от досады и настучал себе по голове кулаком.

Но схватившая живца очередная щука тут же прогнала из моей головы все мысли, кроме одной: не упустить, вытащить в лодку очередную разбойницу.

С годами это чувство вины перед братом вроде бы сгладилось. Но как только мы встречались с Рашитом (а происходило это довольно редко, порой раз в несколько лет, поскольку судьба разбросала нас в разные стороны от родного дома), это чувство вспыхивало снова.

И однажды я не выдержал и попросил у Рашита прощения, напомнив суть инцидента.

– О чем ты, брат? – удивился Рашит. – Я уже давно забыл. И мне не за что тебе прощать. Забудь!

Но по его довольным глазам я понял: он тоже помнил, зараза, но молчал. И вот простил...

Я копаю бормышей...

Июнь. Мой первый в жизни трудовой отпуск! И в первый же его день я, полуголый, стою по пояс в Иртыше с совковой лопатой в руках...

Я уже работал до армии, целый год, на заводе ЖБИ, но когда мне должны были дать первый отпуск, мне дали... повестку в армию. Ну ладно, отслужил два года – и там отпуска не заслужил. Вернулся из армии домой. Да, с пару недель отдохнул, но это же нельзя назвать настоящим отпуском?

Устроился в тракторную бригаду сварным, старательно трудился, рассчитывая на полноценный отпуск: мотался со сварочным агрегатом САК между полевым станом в степи и станом кормозаготовительной бригады на лугу и заваривал трещины, поломки на всяких сельскохозяйственных агрегатах. И вот когда подошла, наконец, пора заслуженного отпуска, со мной случилась совершенно неожиданная ситуация.

Я время от времени писал юморески, заметки в нашу районную газету (ну, появилась у меня такая тяга, опять же неожиданно для меня самого) и их печатали. И вдруг редактор прислал приглашение на собеседование. Съездил и, грубо говоря, опупел: мне предложили работу в газете!

Подумал, подумал, и согласился, терять-то мне было нечего. И не зря – работы интереснее просто невозможно было придумать. Отработал год (мотался по району в длительные и краткосрочные командировки и собирал материал для газеты), и наконец, получил отпуск по всем правилам: на 24 рабочих дня, с отпускными.

И куда я поехал отдыхать, как вы думаете? Аж за 25 километров от места своей работы, в деревню, в Пятэрыжск! И ни о каком другом месте просто не помышлял. Только о рыбалке на Иртыше и любимом озере Долгое! И в этом ничего необычного не было: я здесь вырос, здесь прошло все мое счастливое детство, и я никак не хотел расставаться ни со своим многолетним увлечением, ни с милыми моему сердцу местами.

И вот я, как только я слез с автобуса и пришел в родительский дом, даже не попив толком чаю, переоделся, взял с собой большую жестяную банку, укрепил ее на багажнике велосипеда, к раме привязал совковую лопату и покатил, шурша тугими шинами по накатанной дороге, к спуску на луга и далее между сочно зеленеющими лугами, к сверкающему на ярком солнце Иртышу.

Проехал Рошу с ее вековыми кряжистыми ветлами, дальше грунтовка пролегла по самому обрывистому берегу реки. Я не спеша крутил педали, обдуваемый легким теплым ветерком, с наслаждением вдыхая аромат цветущих луговых трав, и прислушивался к безумолчному стрекотанию кузнечиков в высокой траве со стрелками дикого лука, разлапистыми купинами конского щавеля и строго вертикальными кисточками подорожников, щебетанию птиц и почти неслышному шуршанию прозрачных крылышек разноцветных и разномастных стрекоз, боевыми вертолетиками пикирующими за своей добычей – комарами и всяческими мушками.

Большая вода недавно ушла с лугов, чем и объяснялось буйное их цветение и всяческая оживленная жизнь мелких организмов. Но вот, немного не доезжая до места обычной стоянки сенокосчиков (сам всего лишь год назад трудился здесь) и пока пустующей – сенокос еще не начался, я замедляю ход велосипеда, затем слажу с него и веду его пешком за руль, всматриваясь вниз, под невысокий, всего метра с полтора обрыв.

Внизу негромко и лениво плещется Иртыш, издалека слышен зудящий гул и появляется белая точка, вырастающая на глазах. Это первая «Ракета», она идет со стороны Иртышска на Омск с горделиво задранной мордой. Так, уже два часа дня. Солнце припекает все сильнее,

рубашка начинает прилипать к телу. Очень хочется искупаться. И за этим дело не заржавеет – надо только дойти до нужного места.

Мимо с громким рокотом, пуская солнечные зайчики от окон пассажирского салона, пролетает «Ракета», с кормы ее мне кто-то машет, я тоже помахал – а че, не жалко! Спустя пару минут на берег под обрывом с шумом, нагоняя одна другую, обрушиваются высокие волны, под их ударами что-то с дребезжанием катается. Ага, я на месте!

«Ракета», взрезая водную гладь, Иртыш, стремительно удаляется, волны стихают и уже не бьются о песчано-глинистый берег, а вальяжно наплывают на него. Из воды торчит длинная штанга с приваренной на конце поперечной железякой. Я ее тащу на себя и на другом конце обнаруживается приваренный корпус старого огнетушителя с обрезанным днищем. Это так называемая «турбина» – с ее помощью рыбаки, ловящие стерлядь на закидушки или, пуще того, перетяги, копают в реке, в глинистом дне «бормышей».

Это на самом деле личинки бабочки-поденки, живущие под водой в норках. Почему у нас их называли именно «бормышами» – до сих пор не знаю. Может быть, это переименованное слово мормыш. Но мормышами называют личинок комаров, а никак не бабочек-поденок. Ну да шут с ними. На бормышей знатно ловится любая рыба, от язей о стрелядей, на которых я собирался пойти завтра с утра пораньше на Коровий взвоз, давнее излюбленное место закидушечников.

Правда, накопать этих белесых личинок со страховидными черноглазыми мордашками, с извивающимися наметками будущих крылышек на спинках, стоит немалого труда – они же вон где сидят, под водой, на дне. Я разделся и сначала с наслаждением искупался в теплом, быстром Иртыше. Немного поборолся с течением, понырять до звона в ушах, и то, что я был совершенно один в этом месте (правда, иногда слышался гул редких машин или дребезжание конных повозок, проезжающих на Иртышский паром), меня нисколько не тяготило.

Накупавшись, я сначала взялся за свою лопату – если бормыши попадутся ближе к берегу, то можно обойтись и без трехметровой «турбины», предназначенной для орудования на глубине, подальше от берега. Копнул раз, другой, но всякий раз течение сносило с лопаты порции донного грунта.

Наконец я приноровился и стал носить на берег почти полные лопаты грунта, издырявленного норками. Когда стал разбирать их руками, в каждой лопате находил пять-шесть жирных бормышей, недовольно шевелящих клешнястыми лапками. Я их осторожно извлекал и опускал в банку, наполненную чистой водой.

«Нормально! – радовался я в душе. – Этак я за полчаса наберу сколько надо бормышей...» А надо было штук хотя бы с полсотни (я ведь еще планировал сегодня и червей накопать – в общем, рыбалка предстояла обстоятельная – на пару закидушек и удочку-донку. Дорвался, что называется!)

– Эй, гражданин! Кто вам разрешил тут копать? – Вдруг услышал я над головой знакомый голос. Обернулся на него и заулыбался. На кромке обрыва стоял мой отец. Из-под козырька надвинутой на глаза кепки торчал его крупный, перебитый в давней драке у глаз нос, довольно ухмыляющееся, гладко выбритое лицо было уже порозовевшим от загара.

Увлечшись добычей бормышей, я не обратил особого внимания на звук подъехавшей повозки. Сейчас ее мне не было видно, но я слышал, как фыркала и переступала копытами, свистела быющим по бокам собственным хвостом лошадь, отбивающаяся от паутов.

– Привет, пап! – сказал я.

– Вылезай, покурим, – ответил он приветливо. – Когда приехал?

– Только что, – сказал я, откладывая в сторону блестящую от влаги и выпачканную глиной лопату. – Ну, час-полтора назад.

Я вскарабкался на обрыв и присел рядом с отцом, как был, в мокрых трусах, на траву.

– На выходные приехал? – спросил папка, протягивая мне раскрытый портсигар. Я вытер руки о траву, осторожно вытащил из-под прижимной резинки папироску, дунул в мундштук.

– Сегодня же только четверг, – проговорил я уголком губ, прикуривая папирос от зажженной отцом спички. – Я в отпуск приехал.

– В отпуск? – переспросил меня отец, забыв бросить на землю догорающую спичку и лижущую сейчас своим зыбким желтоватым пламенем его заскорузлые пальцы. По-моему, он не чувствовал огня.

– Ну, – подтвердил я, затягиваясь терпким дымом «Севера». А в почти безоблачном бледно-синем небе самозабвенно заливался жаворонок, и я, если бы мог, подпел бы ему – так мне было хорошо и покойно на душе здесь, на берегу Иртыша, среди его источающих одуряющий аромат луговых трав. – На все три недели. На рыбалку.

– В отпуск. На три недели. На рыбалку, – повторил за мной, как заучивая, отец. И вдруг раскатисто захохотал – как он это умел, заразительно, закидывая голову назад и шлепая ладонями по коленям. – Ни на курорт куда-нибудь, ни на море, а домой, в деревню! Ай да молодец!

Потом перестал смеяться так же неожиданно, как начал. И сказал уже серьезно:

– Ну и хорошо. И порыбачишь, и мне кое-что поможешь по хозяйству. Ладно, я поехал. Может, ты со мной?

– Неа, – помотал я головой. – Я еще не накопал бормышей, сколько надо. А транспорт у меня есть.

И отец, зачем-то ездивший к парому – я так и не спросил, зачем, может, отвозил кого, – сел в телегу и покатил в сторону села. А я полез обратно в реку. Мне еще надо было накопать бормышей...

Ломоть хлеба с салом

Погода в нашу вторую смену сегодня выдалась морозной, на 1-ом полигоне завода ЖБИ все густо парило: и самосвалы, подвозящие бетон, и сам бетон, не успевший остыть после подвоза его с бетонного узла. А запарочные камеры, куда устанавливались заливаемые бетоном марки 100 формы под фундаментные блоки СП, так те вообще были покрыты густо клубящимся белым паром, поэтому приходилось даже включать дополнительные прожектора, чтобы крановщица, белокурая Люся, которую сегодня вообще было не разглядеть на ее верхотуре, без промашки подавала «туфлю» с бетоном прямо к рукам бетонщика пятого разряда дяди Вани Тучкова.

Он хватал этими руками в верхонках поверх теплых рукавиц за отполированную до блеска рукоятку замка «туфли», сипло кричал Люсе наверх: «Еще чуток на меня!» и, широко расставив ноги в серых валенках по краям маслянисто поблескивающих ячеек стальной формы, с коротким хеканьем дергал рукоятку замка на себя и вниз. Жидкий бетон серой лентой с шумом устремлялся в форму, дробно стучал по ее стенкам мелкой щебенкой.

Дядя Ваня затем на несколько секунд включал прикрепленный к туфле вибратор, и тот начинал с сердитым гулом мелко-мелко трясти туфлю, вытряхивая из нее остатки бетона. Тут за дело брался я, семнадцатилетний бетонщик пока третьего разряда: с чмоканьем погружал в серую массу ручной вибратор весом с полпуда, включал его и, держась за рукоятку, уплотнял этим зудящим, старающимся вырваться из моих рук механизмом расплзающийся по ячейкам формы бетон.

Наш бугор, по совместительству мой дядя Равиль (его называли на русский манер почему-то Саша) в это время армировал деревянные формы для колонн, периодически сверкая голубым огоньком электросварки. Это была сложная работа, и занимался ею только он сам.

Но вот все три тонны бетона разлиты по формам, утрамбованы и разглажены сверху до блеска, из них торчат свежеставленные петли из толстой проволоки для выемки краном после того, как блоки будут сутки пропарены и готовы к отправке на стройки краснотурьинских объектов.

На полигоне стало тихо и можно перекурить в просторной столярке, где готовятся деревянные детали для опалубки форм. Здесь можно погреться – пощелкивающие трубы парового отопления всегда держат в столярке высокую температуру, – перекусить, у кого что есть с собой, поиграть в теннис.

Сухо стучащим пластмассовым белым шариком сразу же стали перекидываться через сетку стропальщик Коля Овсянников и электрик Юрий Шервуд. А мы с дядей сидели – он на лавке, я на широком подоконнике, – и с наслаждением курили и отогревались. И тут даже через табачный дым мои ноздри защекотал знакомый дразнящий аромат – чеснока, укропа и еще чего-то невероятно вкусного и сытного.

Сало! Это было сало домашнего посола. Его, небольшой такой, но толстенький брусок, пошуршав газетой, разложил у себя на верстаке столяр Михаил Колобов и стал нарезать большим складным ножом на аккуратные белые, чуть-чуть розоватые пластинки.

Мне до конца вечерней смены оставалось часа полтора – несовершеннолетнему, по КЗоТу разрешалось работать только до десяти вечера, смена при этом у меня начиналась в три часа дня, в то время как вся «взрослая бригада» подтягивалась к пяти. И вроде бы перед выездом на завод я неплохо пообедал в столовой рядом с нашей общагой, но довольно тяжела работа на морозе быстро сжигала все калории и потому я был уже зверски голоден.

Дома, в общежитской комнате, меня, в лучшем случае, ждала припасенная на ужин банка кильки с полбулкой хлеба. А в худшем, если жившие со мной еще двое парней затеяли выпивку без меня, то нашли эту несчастную кильку в моей тумбочке и уже сожрали ее. А тут этот невоз-

можно аппетитный, прямо с ума сводящий запах. И без того тогда плоский мой живот тут же свело от голодных спазмов, он самым бессовестным образом громко заурчал и прилип к позвоночнику, показывая хозяину что пора бы и того... что-нибудь кинуть в него существенного.

Я поспешно затянулся «примой» и с деланным равнодушием отвернулся к промерзшему окну, за которым стояла трескучая морозная уральская ночь, и туманную темень её с трудом рассеивали мощные светильники и прожектора, которыми был утыкан наш первый полигон со всех углов и с крыши столярки.

Мне вдруг, ну совсем некстати, вспомнились мамины горячие и румяные пирожки с картошкой и жареным луком, которые я так любил запивать холодным вкусным молоком. Желудок мой вовсе взбесился, застонал и стал вгрызаться в позвоночник.

– На, Марат, перекуси, – услышал я вдруг участливый голос столяра дяди Миши и живо обернулся. Столяр принес мне ломоть хлеба с выложенным поверху солидным пластом сала, дразнящий аромат которого поблизости и вовсе оказался сумасшедшим!

– Теща из деревни гостинец прислала, – пояснил Михаил Колодный, обращаясь не столько ко мне, сколько ко всем отогревающимся в столярке членам бригады. – Кабаняку они закололи, аж на полтора центнера весом. Сала на нем, слышь – с ладонь толщиной! Вот и передали нам килограмма три. Никто так не умеет солить сало, как мои тесть с тещей. На вот, ешь, набирайся сил.

Я, для солидности выдержав секундную паузу, положил на подоконник недокуренную сигарету и, вытерев правую ладонь о ватные штаны, бережно принял этот сельский бутерброд, поднес ко рту. Сало не стало сопротивляться натиску моих молодых нетерпеливых зубов и легко откусилось вместе с хлебом.

Мой язык, мое небо тут же ощутили божественный вкус этой жирной, в меру просоленной и начесноченной массы, пропитанной ароматом лаврушки, сохранившего летний запах укропа, перца и еще какой-то специи – сейчас я понимаю, что это был тмин. Все это создавало непередаваемый вкусовой букет, вызывающий мощную реакцию слюнных желез.

Прижмутив глаза от удовольствия, я проглотил первую порцию этого деликатеса и только тут обратил внимание, что в столярке стояла тишина, нарушаемая лишь пощелкиванием пара в трубах парового отопления: оказывается, дядя Миша уже успел раздать бутерброды с салом всем, кто был в столярке (с ним – человек пять-шесть), и все дружно уплетали их, в том числе и наш бригадир, мой дядя Равиль-абый...

Все, все, на этом прекращаю дразнить тех, кто на диете и тех, кто вообще не ест сала. К последним вроде бы должен относиться и сам автор текста. Но я, татарин, выросший среди русских, можно сказать, с детских лет познал вкус свинины.

В прииртышском селе Пятерыжск, где мы поселились после переезда из Татарстана, практически не было такой семьи, в которой бы не содержали свиней. Всеядность этих животных, облегчающих проблему кормления, быстрый рост (начав откорм поросят с ранней весны, к началу зимы уже получаешь взрослых, весом нередко за сто кило, свиней), хорошие гастрономические свойства мяса и сала – это те плюсы, которые издавна подвигают сельчан на занятие домашним свиноводством.

Глядя на русских (украинцев, немцев, белорусов и т. д.) и оценив выгоды разведения свиней, с годами это дело стали с охотой осваивать и «басурманы», живущие среди славян. У нас в подворье была полная толерантность в отношении ассортимента домашних животных: в закутках блеяли овцы и мемекали козы, мычали коровы и телята, мирно похрюкивали в своем свинарнике пухнувшие, как на дрожжах, поросята, я уж не говорю о курах и утках.

Летом мясо нам на стол «поставляли» куры и изредка – овцы, телят обычно выращивали на сдачу в заготскот, и это приносило ощутимую прибавку в семейный бюджет. Ну, а запасы мяса на зиму давали именно свиньи. В 5060-е холодильников у сельчан не было, поэтому свинина замораживалась в холодном чулане, сало засаливалось впрок в деревянных ящиках и,

отправленное с приходом теплых дней в подпол, могло держаться там хоть все лето, до очередного забоя очередной бедной хрюшки (ну что поделать, такова уж их судьба) на следующую зиму.

Единственный, кто не употреблял свинину в нашей семье, была мама. Но она понимала, что трех пацанов, дочь и нашего отца, всегда занятого тяжелой физической работой в совхозе, надо было чем-то кормить. И хоть сама не ела свинину, но для нас готовила. Суп или борщ на свином мясе, правда, могла похлевать, но наливала его себе без мяса. Когда дома появлялась колбаса – а это случалось довольно редко, – мама не могла себе отказать в удовольствии полакомиться ей. Но всегда выковыривала из своих колбасных кружочков кусочки сала, во избежание, как она полагала, греха. И это нас забавляло: колбасная масса в любом случае содержала в себе какую-то долю свинины.

Став взрослым и самостоятельным и, следовательно, получив возможность общаться с людьми не только из своей деревни, я видел, что свинину и сало с удовольствием едят и многие молодые казахи, хотя свиней при этом могли и не держать. А русские, в свою очередь, если попадали в гости к казахам, не чурались бесбармака из конины, вкуснейшей конской колбасы казы. И это правильно, это и есть взаимопроникновение национальных культур на основе обмена кухнями, это позволяет людям лучше узнавать и понимать друг друга.

Я с уважением отношусь к людям, придерживающимся религиозных норм и правил и потому отказывающихся от не халяльной, не кошерной пищи – это их выбор, их образ жизни. Но и не осуждаю тех, кто, вопреки убеждениям далеких предков, стал употреблять в пищу то, что когда-то считалось запретным – времена-то меняются, условия жизни тоже, и то, что считалось когда-то догмой, становится простым пережитком, предубеждением.

Как на мой взгляд, так есть можно все, что нравится, что хочется попробовать (я вон уже лягушек отведал, и крокодилятину, страусятину, и даже акулу жареную ел!). Главное, друзья мои – не «ешьте» себе подобных! Вот это грех из грехов, ничем не оправдываемый...

Эк, куда меня занесло, однако! На чем же это я споткнулся и пустился затем в невнятные рассуждения? Ах, да! Перекусив бутербродами с салом, наша бригада затем с новыми силами вышла на тридцатиградусный мороз – встречать очередную порцию бетона и задорно, с шутками и прибаутками залила его в формы, накрыла крышкой запарочную камеру и успешно завершила свою смену. Хороший перекус – он любому делу великое подспорье!

За дядю Яшу

В воскресенье утром меня и Валерку разбудил нетерпеливый стук в дверь нашей общежитской комнаты.

Мой койка была ближе к выходу, и я, как был в трусах и босиком, прошлепал к двери и открыл ее. И замер на месте от изумления. На пороге стоял мой дядя. Дядя Яша. Это у него я жил пару месяцев, когда перебрался в город из деревни. И это к нему хотел устроиться в бригаду электролизников на алюминиевый завод. Но не взяли, сказал – молод еще.

Мне действительно совсем недавно стукнуло только семнадцать. А более вредного производства, чем алюминиевый завод, и особенно электролизный цех, и придумать трудно. Тогда меня к себе на ЖБИ взял другой дядя.

А когда мне еще дали место в заводском общежитии, жизнь моя вообще стала казаться мне удавшейся. Еще бы – родителей рядом нет, от родственников тоже ушел – прямо колобок какой-то, и никто над моей душой не стоит, что хочу, то и ворочу.

Вот и вчера мы с Валеркой и еще несколькими парнями из общаги оттягивались на набережной водохранилища, приставали к девчонкам, нарвались на городскую шпану, немного «помахались».

В общем, вечер у нас был крайне содержательным. Самый раз сейчас отоспаться, а тут нелегкая дядю принесла. Первый раз, между прочим! Неужели зашел узнать, как его племяншу живет в общежитии?

Дядя Яша, возбужденно сопя, отодвинул меня своим толстым упругим животом, по-свойски протиснулся в комнату, уселся на стул.

– Ну чё, племянш, бери своих дружков, да пойдем, за родного дядю вступишься, – прочистив горло кхеканьем, вдруг заявил дядя Яша.

Вот это новость! Да еще с самого с ранья.

– А чё случилось, дядя Яша? – спросил я его.

– Надо одному м... ку навалить как следует! – уточнил дядя Яша, ерзая на скрипучем стуле. – Чтобы знал, падла, к кому соваться!

Нет, встрять за дядьку – святое дело! Меня только несколько удивило, что он, имея еще двоих родных младших братьев (самому ему тогда было что-то в районе сорока), не последних людей в этом небольшом уральском городе, и еще кучу других родственников мужеского полу, решил обратиться за помощью ко мне, семнадцатилетнему деревенскому пацану, живущему в этом городе всего несколько месяцев.

– А кто он такой, чё вам сделал?

Понимая, что спать дальше мне никто не позволит, я стащил со спинки кровати брюки. Валерка обеспокоенно завозился под одеялом и даже натянул его на голову.

– Да он, сопляк, в соседнем подъезде живет, и вот на хрен меня вчера вечером послал, когда я нечаянно на ногу ему наступил, – пожаловался дядя Яша. – Расселся на нашей лавочке, когда рядом своя есть, ноги вытянул. Ну, я и наступил. Нечаянно, ты не подумай. А он вон че, на хрен меня!

– Ну и дал бы ему по уху, – подал из-под одеяла Валерка дельный совет.

– Ага, по уху! Я хотел, да он не один был, – пожаловался дядя Яша. – С ним еще двое парней и девка какая-то. Ну, так чё, племянш, пойдем, навалием ему? С меня пузырь!

Дядя жаждал мести, и покарать своего обидчика он вознамерился, я так понял, малой кровью, то есть без привлечения широкого круга родственников и знакомых. «Хватит и племянника, – так примерно рассуждал он, – у которого полно дружков в общежитии».

Ну, дружков-то у меня как раз пока было немного: кроме Валерки, еще пара пацанов из соседней комнаты. Про тех двоих ничего не скажу, а вот за Валерку я однажды уже встревал.

Так что я теперь имел полное право потребовать от Валерика, чтобы он пошел со мной покарать дядиного обидчика.

Да он шибко-то не упирался, особенно когда услышал про гонорар в виде «выпить и закусь» – деньги у нас с Валеркой кончились еще вчера, получка будет только послезавтра, и на что мы будем обедать сегодня – мы решительно не знали.

Пока дядя, возбужденно сопя, курил, ожидая нас, мы с Валериком быстренько ополоснули заспанные рожи, оделись, и я сказал дяде Яше:

– Ну, води нас в бой!

– А что, больше никого брать не будете? – окинув критическим взором наши далеко не богатырские туловища, спросил он, давая окурочек в банке с остатками засохшей кильки в томате.

– Так нас же и так трое будет! – беспечно сказал Валерка. Дядя на всякий случай огляделся по сторонам, в поисках третьего, но поняв, что речь идет явно о нем, пожевал своими толстыми губами и ничего не сказал.

Повел он нас к своему дому, на улицу Попова. Поеживаясь от утренней прохлады – на дворе был только конец апреля, – мы топали за дядей Яшей по еще пустынным в это время улицам Краснотурьинска, и помалкивали, настраиваясь на боевой лад.

Идти надо было недалеко, с километр, может быть. Вот миновали центральную площадь с полукруглыми зданиями техникума и горкома, стали подниматься на Попова. Вот и заворот во двор дядияшиной пятиэтажки.

– Так, а где мы его будем ловить? – задал я резонный вопрос дяде.

Тот взглянул на часы:

– Да он уже должен во дворе ошиваться. Бездельник!

– А как его зовут? Где работает?

Эти наводящие вопросы последовали уже от Валерки.

– Да что вы ко мне пристали? – разозлился дядя. – Знаю, что живет в соседнем подъезде, и все! Вам какая разница? Отхреначите его, да пригрозите, что, если, мол, еще раз к дядьке, то есть ко мне, сунешься, уьем! То есть убьете. Убьете же?

– Запросто, – цикнул зубом Валерка. – Уьем и закопаем. За ящик водки.

– Вот он, вот он! – зашипел вдруг дядя Яша. – Нам навстречу идет! Один! Подождите, пусть подойдет ближе...

Точно, из заворота в дядияшин двор только что вышел и двигался нам навстречу, то есть спускался к центру города, рослый парень, примерно наших лет, с гривой светлых волос, в болоньевой куртке и расклешенных по тогдашней моде кремовых брюках.

Мы старались не смотреть в его сторону, чтобы не спугнуть. Но этот патлатый козел все же узнал дядю Яшу, и замедлил шаг, с подозрением оглядывая нас с Валеркой.

Видимо, от нас веяло чем-то недобрым, хотя мы старательно делали вид, что не смотрим в его сторону. И лишь дядя Яша не спускал глаз со своего врага, стал весь багровый и сопел, как паровоз

Потом этот патлатый, когда между нами оставался всего с десяток шагов, вовсе остановился, криво так улыбнулся, резко повернулся и, цокая подкованным каблуками своих туфель, побежал обратно.

– Лови его лови! – не выдержав, завопил дядя. И мы пустились вскачь за его обидчиком. У парня были длинные ноги, он бежал быстрее нас.

И убежал бы, если бы вдруг не споткнулся и не растянулся во весь рост на асфальте.

А мы – тут как тут! Остановились около упавшего, пока еще не зная, что с ним делать – не пинать же лежащего. Вернее, уже сидящего – парень, повозившись, уселся на асфальте и, сморщившись, рассматривал свои ладони, ободренные во время падения в кровь.

Тяжело дыша, рядом с нами остановился и дядя Яша.

– Ну, и чего вы стоите? – неприязненно сказал он нам. – Дайте-ка ему хорошенько! Ну ты, козел, узнал меня?

Парень посмотрел на него и молча кивнул.

– Вот! – обрадовался дядя Яша. – Говорил я тебе, что пожалеешь? Щас, щас! Ну-ка, парни, врежьте ему!

– Ты сам первым начни, а мы уж за тобой, – буркнул вдруг Валерка. И мне тоже почему-то расхотелось драться – уж больно беспомощным и жалким показался мне этот исподлобья рассматривающий нас чужак, обидевший моего дядю.

Дядя Яша укоризненно посмотрел на нас и замахнулся ногой. Но пнуть сидевшего недруга тоже не смог.

И тогда Валерка, шагнув к дядяшину обидчику, оттянул средний палец левой руки и вlepил ему в затылок смачную «пиявку».

Парень от неожиданности втянул голову в плечи. Дядя Яша и я захохотали, и я просто физически почувствовал, как охватившее нас всех напряжение ослабло и уходит, а на его место приходит благодущие. От нашего драчливого настроения не осталось и следа.

– Ну, теперь понял, что мы с тобой сделаем, если еще хоть раз обидишь дядю Яшу? – все еще давясь от смеха, сказал я. – Мы тебя щелбанами забьем!

– Это ж твой сосед, – подхватил Валерка. – А соседи должны жить дружно. Давай извиняйся перед дядей Яшей, и разбежимся.

Парень встал с асфальта и, отряхивая свои испачканные клеши, пробурчал:

– Извините меня, дядя Яша, я не хотел вас обидеть. Так получилось...

– Получилось, – примирительно пробурчал дядя Яша. – Ладно, иди, хрен с тобой!

Патлатый, глядя себе под ноги, пошел мимо нас дальше, куда шел – в центр города. А нас дядя Яша повел к себе, где, как и обещал, и выпить нам дал под неумолчную ворчню его жены тети Зины, и закусить.

Больше он к нам за помощью не обращался. Видать, та единственная Валеркина «пиявка» на обидчика дяди Яши воздействовала куда эффективнее, чем если бы мы втроем тупо попинали его ногами...

Нож

Вся наша жизнь – это непрерывная цепь потерь и находок, порой самых невероятных. Вот одна из таких историй.

Как-то мы с одноклассником Генкой Шалимовым, когда учились в классе четвертом или пятом, поехали на велосипедах на рыбалку в Лобаново (место такое рыбное на старице Иртыша, километрах в семи от нашего села).

Там народ обычно копал живущих в норках на глинистом дне белесых личинок бабочек однодневок – у нас их называют бормышами, – для ловли стерлядей. В месте копки этих самых бормышей всегда вились стайки шустрых ельцов. Вот почему мы и решили в тот день порыбачить именно в Лобанове. И рассчитывали натаскать ельцов не менее чем по трехлитровому алюминиевому бидончику – стандартной пацанской рыболовной емкости. А то и стерлядок на закидушки.

Когда мы с Генкой ранним июльским утром, безбожно гремя подвешенными на рули велосипедов этими самыми пустыми бидончиками и, вихляясь на педалях всем телом, подъехали к Лобаново, то оказались там не одни. На песчаном берегу стояла брезентовая палатка, рядом притулился синий «москвичок» и дымился незатушенный костерок. Трое явно не сельских мужиков, в добротной одежде и новеньких, блестящих на солнце резиновых сапогах-броднях, проверяли улов на своих закидушках.

Оказалось, что это были омичи, они приезжали порыбачить на выходные. У самого берега на их куканах в серо-зеленой иртышской воде медленно шевелили хвостами остроносые темнospинные, бугрящиеся костяными шипами стерлядки – штук по шесть-восемь на каждого.

– Ого! – сказали мы с Генкой почти хором и с завистью. И тут же полезли в воду копать бормышей – лопату мы взяли из дому. Пока возились с добычей наживки, омичи свернули свою палатку, сели в машину и уехали. В почти прогоревшем костре продолжали тлеть головни, а рядом на песке лежал не до конца использованный хворост. Прогрогнув, я решил погреться и, выйдя из воды на берег, подкинул в костер сухого тальника. Он немедленно занялся почти бесцветным огнем, весело затрещал.

Повеселел и я, поворачиваясь к костру то одним, то другим мокрым боком. И тут моя босая подошва наткнулась в песке на что-то твердое и гладкое. Я посмотрел под ноги и не поверил своим глазам: из песка торчала рукоятка ножа в черных ножнах. Поднял свою находку, потащил за рукоятку и обомлел: в широком, не уже спичечного коробка, зеркальном лезвии отражалась моя изумленная, всклокоченная физиономия с большим пятном сажи под носом.

Такой красоты я еще в жизни не видел! Это был настоящий охотничий и, по-видимому, дорогой нож. С очень острым лезвием (я даже не заметил, как порезал один из пальцев), с толстым обушком, канальцем для стока крови, длинным хищным острием. Но как он блестел! Даже Генка с реки заметил блики ножа, который я вертел в руке и, бросив лопату на берег, прилепал в мокрых трусах к костру.

– Дай посмотрю, – дрожа не то от холода, не то от нетерпения, протянул он мне руку.

– На, – поколебавшись, неохотно протянул я ему свою необычную находку.

Генка бережно принял нож и так же, как и я, с открытым от восхищения ртом стал вертеть нож в руках, размахивать им как мечом, колоть невидимых врагов.

– Давай меняться, – наконец сказал он. – Ты мне нож, я тебе велосипед...

– А ну отдай, – требовательно протянул я к нему руку. – А я, по-твоему, на чем сюда приехал?

– Ну, у тебя тогда будет два велосипеда, – безо всякой надежды сказал Генка, все еще сжимая рукоятку ножа. – Отдашь один брату своему. А?

– Нам одного хватает. Отдавай давай! – добавил я металла в голос. Кто его знает, этого Генку? Он вообще-то здоровей меня, выше почти на полголовы. Но тут такое дело – за этот нож я ему точно нос расквашу, пусть он мне потом даже ответит вдвойне. Однако Генка только вздохнул с большим сожалением и вернул нож. Я бережно вложил его в ножны.

– Хорошая вещь, – вдруг кто-то сказал за моей спиной. Я даже подпрыгнул от неожиданности и оглянулся. Всецело захваченные созерцанием моей изумительной находки, мы с Генкой и не заметили, как к нам подошел какой-то светловолосый рослый парень с садком в одной руке, в котором еще трепыхались живые ельцы и даже пара подъязков, и с парой удочек-донок на плече. Видимо, возвращался с утренней зорьки в Ивантеевку, деревеньку всего в полукилометре от Лобаново. Он сказал с доброжелательной улыбкой.

– Дай посмотреть.

Я недоверчиво посмотрел на него, потом на Генку. Генка пожал плечами: мол, как хочешь. Подумав с минуту, я все же осторожно вытащил нож и протянул его парню. Тот опустил садок на землю, принял нож и так же, как и мы, с нескрываемым удовольствием стал рассматривать блестящий клинок. Сразу было видно, что рукоятка ножа ему как раз по руке: если я запросто мог держать его двумя руками, то широкая ладонь этого ивантеевского парня полностью накрыла рукоятку. Он поднес клинок ко рту, выдохнул на него – зеркальное лезвие затуманилось быстро исчезающей испариной.

– А как он в ножнах сидит? Туго или болтается? – по-прежнему очень приветливо спросил незнакомец.

– Да вроде нет, – не чувствуя подвоха, ответил я.

– А ну дай примерю, – попросил он.

Ну, я отдал ему и ножны. А этот козел аккуратно спрятал сверкающее лезвие в ножны и, улыбочиво поглядывая на нас с Генкой, также не спеша затолкал мою находку себе за брючный ремень, поднял с земли садок, на дно которого налип песок, и неторопливо пошел в по утоптанной тропинке в сторону своей вонючей Ивантеевки. Кажется, он что-то даже насвистывал при ходьбе.

Мы оторопело смотрели ему вслед. Еще немного, и этот гад поднимется на берег и навсегда исчезнет за крутым склоном.

– А ну стой! – крикнул я ему в широкую спину, покрытую серой курткой с капюшоном. – Отдай мой нож.

Парень даже не прекратил свистеть и продолжал подниматься на берег. Я бросился за ним, догнал и вцепился в его руку с садком. Этот грабитель, даже не оборачиваясь, широко и сильно махнул рукой, и я упал и покатился вниз, под берег.

– Бесполезно, – сказал мне, помогая встать на ноги, Генка. До этого он все время молчал. Я оттолкнул его руку.

– Знаешь, кто это? Колька Овсянников! Его вся Ивантеевка боится. Он в десанте служил.

От обиды и горькой досады – такой был сказочной красоты нож! – меня начали душить слезы. Но я сдержался, молча оделся – какая уж тут рыбалка, – поднял лежащий на песке велосипед и покатыл в гору. А наверху оседлал его и поехал, вихляясь на раме, домой. Тут уж я заревел во весь голос. Пока не услышал за спиной дребезжанье Генкиного велика. Я перестал всхлипывать и на ходу одной рукой утер слезы.

– Ладно, не расстраивайся, – поравнявшись со мной, довольно (или мне так показалось?) сказал Генка. – Все равно бы его у тебя дома отобрали.

А ведь верно: отец тут же экспроприировал бы у меня этот нож – не будешь же его вечно прятать от взрослых, да и вообще от чужих глаз. Все равно, рано или поздно, попался бы кому-нибудь из них на глаза с таким прекрасным и грозным клинком. Но, боже мой, как же мне еще долго было обидно из-за такого наглого и бесцеремонного ограбления меня этим чертовым

ивантеевским бывшим десантником! Гад, нашел с кем справиться! Вот если бы мы с Генкой были хотя бы в классе десятом, там еще надо было бы посмотреть, кто бы у кого что отнял!

«Но ничего! – думал я тогда. – Вот тоже в армии попрошусь в десантники, отслужу, вернусь, и еще посмотрим, у кого галифе ширше! Обязательно найду тебя, Колька Овсянников, и спрошу за отнятый у меня нож!»

Но в армии меня, весившего всего около шестидесяти килограммов и с болтающейся в воротнике тонкой шейкой, ни в какой десант не взяли. А отслужил я честно свои два года в стройбате, о котором даже и вспоминать не хочется. В Нижнетагильской стройбатовской учебке меня за полгода обучили премудростям сварного дела, и я строил в глухих пермских и костромских лесах секретные ракетные площадки.

Вернулся осенью в свою деревню готовым специалистом, и меня тут же взяли в тракторную бригаду сварным. Работа была так себе – ремонтировал всякие поломанные сельхозные агрегаты, вечерами болтался по деревне с пацанами, ходил на танцы. А тут и Генка к началу лета вернулся из армии. И он тоже отмантулил в стройбате! Так что, выходит, не было у меня напарника, чтобы поехать в ту самую вонючую Ивантеевку, найти там этого гада Кольку Овсянникова и отделать его по полной программе за ту детскую обиду.

Мы с Генкой выпили на его встрече сначала грамм по сто пятьдесят, посмеялись, вспомнив тот случай в Лобаново. И уже было махнули рукой на подлеца Кольку Овсянникова, простив ему давнюю обиду. Но выпили еще грамм по двести, и решили: нет, так дело не пойдет! Надо валить в Ивантеевку, причем прямо вот сейчас, отмудохать этого негодяя Кольку Овсянникова и забрать у него нож. Пусть мы и не в десанте служили, но частые драки в стройбате нас тоже кое-чему научили. И потом, Колька-то Овсянников уже постарел, а мы молодые, бесстрашные – по крайней мере, сейчас. И нас все же двое (больше никого в эту карательную экспедицию решили не брать, иначе она утратила бы элемент внезапности).

Генка взял у своего дяди старенький ижак с коляской, и мы, выпив еще для храбрости, оседлали мотоцикл и покатали в Ивантеевку. Туда ехать-то надо было всего девять километров. И вот мы, сбавив скорость, катим по мягко освещенной предзакатным солнцем ивантеевской улице. Прохожих почти нет, дело к вечеру, народ кто ужинает, кто коров с пастбища встречает. Пусть их, нам главное, чтобы Колька Овсянников был дома.

– А ты знаешь, где он живет-то? – прокричал я Генке из коляски.

– Да вроде вон в той крайней хате, – проорал Генка в ответ и высморкался на ходу, вильнув колесом мотоцикла. – Я еще пацаном был, когда мы с дядей Колей к ним за какой-то фигней заезжали. Да щас спросим!.. Слышь, пацан, Овсянниковы не в этом доме живут? Ага, здесь!

Мы тормознулись у аккуратно выбеленного дома с синими ставнями, с большим кленовым палисадником. Внаглую ввалились во двор (удивительно, но у Овсянниковых не оказалось собаки), и я забарабанил в дверь сеней – в дом без приглашения зайти все же не решились.

За дверью послышались покашливание, неспешные шаги, и дверь сеней открыл... Он, Колька Овсянников. Я его сразу узнал: такой же рослый, широкоплечий, только уже заметно погрузневший. Тот же уверенный и насмешливый взгляд из-под рыжеватых бровей. А вот прическа стала пожиже и какая-то пегая. Поседел, что ли?

– Ну, чего вам надо молодые чемоданы? – спросил Колька... Хотя уже, конечно, не Колька, а там Николай Иванович или Петрович. Совсем солидный стал дядька. Но выражение глаз то же, которое у него было там, в Лобаново – когда насмешка вдруг уступила место угрозе.

– А ты как думаешь? – хрипло спросил Генка и как-то весь подобрался. Он явно готовился ударить первым. Но это не ускользнуло и от Овсянникова. Он перестал улыбаться, быстро посмотрел на меня, на Генку, потом снова на меня.

– А, так я вас, кажется, знаю-ю! – протянул он. И тут Генка прыгнул на него. Но получил сокрушительный встречный удар кулаком в живот, упал на колени и закашлялся. Да, выучка Кольке Овсянникову не изменила. Даже ногой не стал бить, хватило одного удара кулаком, чтобы сломать пополам такого жилистого Генку. Но реакция его была все же уже не та.

Когда Овсянников повернулся ко мне, то торжествующее лицо его встретилось с негромко, даже как-то удивленно звякнувшей совковой лопатой. Я ее заметил сразу, как только мы вошли во двор. Лопата была прислонена к стене, рядом с дверью – как будто специально кто-то оставил ее для меня. И едва Овсянников вскинул брови, заметив Генкино намерение, я уже схватился за рукоятку этого грозного стройбатовского оружия и успел на секунду другую опередить своего давнего обидчика. И когда Овсянников только собирался повернуться ко мне, лопата уже летела ему навстречу.

Конечно, это было нечестно. Но, думаю, вполне оправданно и справедливо. Да и не хотелось рук марать.

Овсянников рухнул навзничь, широко раскинув мосластые руки.

– Убили-и! – истошно взвыл кто-то за нашими спинами. Я оглянулся. Это, прижав руки к груди и вытаращив водянистые глаза, кричала немолодая уже тетенька в калошах на босу ногу. Видимо, жена Овсянникова, вышла из дома на шум.

– Да кому он нужен, – сказал я, пристраивая лопату на место. – Этого бугая и ломом не убьешь.

– Люди, карау-ул! – продолжала блажить тетка. Этого нам еще только не хватало. Сейчас набегут, скрутят, в райцентр отвезут, ментам сдадут.

– Эльза, не ори! – вдруг приказал жене Овсянников. Он завозился на земле, оперся руками и сел напротив все еще откашливающегося Генки.

Овсянников пострадал не особенно – была разбита только одна бровь да припух нос – лопата – то прилетела плашмя. Он потряс головой и... заулыбался.

– Чё, за ножиком приехали, придурки?

Генка перестал кашлять и кивнул.

– Ну, – сказал и я. – Отдавай давай. А то ведь я и повторить могу.

– Коля, может, позвать кого? – неуверенно спросила жена Овсянникова.

– Сгоноши-ка нам лучше на стол чего-нибудь, – вдруг распорядился Овсянников. – Ну, молодые чемоданы, пошли мыть руки...

Что нам оставалось делать? Такого поворота мы никак не ожидали и приняли приглашение. И застряли у Овсянникова часа на два. Вот такой оказался мужик! Вот такой! Ну, а что касается того злополучного ножа...

– Мужики, вы уж меня простите! – плакал, шмыгая опухшим носом, Овсянников, и бил себя рыжеволосым кулаком в грудь – это когда мы уже начали вторую бутылку. – Ну, хрен его знает, что на меня нашло тогда. Нож-то и в самом деле отличный был. Ну, взял и отнял, не удержался. Уж так хотелось мне его заполучить. Простите, если можете.

– Да прощаем, прощаем! – нетерпеливо сказал я. – Ты его верни все-таки.

Мне очень хотелось вновь увидеть тот самый нож, который тогда буквально околдовал меня своей грозной, хищной красотой. А может, он вовсе не такой уж замечательный, а просто остался таким в моем прошлом, детском воображении? Короче, пусть отдает. Там разберемся.

– Ножа я вам не отдам, ребятки, – неожиданно твердо сказал Овсянников, и мы с Генкой переглянулись: «шо, опять?».

И тут его жена Эльза, все это время молча и с неодобрительным видом сидевшая в стороне, закрыла лицо ладонями и, спотыкаясь, вышла из комнаты.

– Чего это она, а? – пьяно удивился Генка.

Овсянников молча опрокинул стопку водки, выдохнул, не закусывая и, глядя в стол и медленно выговаривая слова, сказал:

– Вашим ножом. Мой сын. На танцах. Порезал одного парня. Он не выжил. Кровью истек. Так что Васька мой. Теперь на зоне, уже шесть лет как. А Гришка в могиле. Вот чё ваш нож натворил, блин!

Овсянников скрипнул зубами, уронил голову на руки и почти тут же захрапел.

Мы с Генкой тихо встали из-за стола и, слегка пошатываясь, прошли на выход. Жена Овсянникова проводила нас враждебным взглядом, и на наше «До свидания!» ничего не сказала...

Собственно, мы-то тут причем, а?

Доктор по железу

Из армии на гражданку все возвращаются с какими-то специальностями. Меня в нижегородской стройбатовской учебке за полгода выучили на электросварщика, и оставшиеся до дембеля полтора года я варил всякую фигню на сугубо, и не очень, секретных военных объектах, и домой вернулся с корочкой сварного четвертого разряда.

Такому спецу в родной деревне обрадовались. Нет, сварщик до меня здесь имелся, но самоучка, и все, что он не приваривал, через какое-то время отваливалось. Причем порой в самые неподходящие моменты: то на пахоте, то на сенокосе или там уборке зерновых.

Так что мне не дали отгулять даже мой положенный дембельский месяц, а потащили на работу ровно через пару недель после того, как я повесил свою шинель с черными погонами в сенях (потом у меня ее выпросил завклубом – для художественной самодеятельности).

Я бы, может, с удовольствием погулял и подольше, но как назло, бригадир тракторной бригады жил с нами по соседству, у нас даже забор был общим. И Палычу ничего не стоило заглядывать к нам на дню по два-три раза, чтобы справиться о моем самочувствии. Захаживал и управляющий, все по тому же вопросу.

И вот когда они убедились, что всего через неделю я бросил квасить, а уже вовсю вкалываю дома по хозяйству (дрова там пилю, в сарае убираюсь), а вечерами трезвый прихожу в клуб, снова надавили на мать с отцом, и те сказали мне:

– Все, сынок, иди завтра в контору, а то Палыч у нас уже в печенках сидит.

Ладно, пошел. Управляющий заставил меня написать заявление о приеме на работу, в тот же день меня свозили на центральную усадьбу на инструктаж по технике безопасности, где я и еще трое или четверо сварных подремали на нудной часовой лекции инженера по ТБ, расписались в подsunутом журнале, и разъехались по домам.

А на следующий день приунывший местный сварной (он же киномеханик по основной работе) сдал мне свои дела. Так на руках у меня оказались: сварочный цех в ремонтной мастерской со стационарным, выдавшим виды, трансформатором, маска с треснувшим защитным стеклом, заляпанным брызгами расплавленного металла, килограммов десять разнокалиберных электродов, развешанные на стене низковольтные кабели с «держакoм» и крюком заземления. А еще и передвижной сварочный аппарат (САК) в агрегате с колесным трактором «Беларусь». И самое для меня неожиданное – газосварочный аппарат, работающий на ацетилене (карбиде) и кислороде. Газосварке я обучен не был, но из рассказов бывалых сварных знал, что и ацетиленовые, и кислородные баллоны порой взрываются. Почему я и посмотрел на прислоненные к стене парочку синих таких баллонов с опаской.

– Фигня, научишься! – злорадно сказал киномеханик, пиная сапогом пустой, с засохшими белыми потеками карбида, ацетиленовый аппарат. – Я же научился.

И фальшиво что-то насвистывая, ушел из мастерской. Навсегда. В свою киномеханскую будку. С тех пор Гриша (фамилию его не называю, мужик еще живее все живых и сегодня) невзлюбил меня. Потому как получалось, что я, хоть и не специально, оторвал от его семейного бюджета дополнительные 90—120 рублей – больше сварному в тракторной бригаде тогда не платили, хотя на нем и висело целых три аппарата.

Забегая наперед, скажу, что я, как и мой предшественник Гриша, ежемесячно сам закрывал себе наряды. Вооружался справочником ЕНИР (единые нормы и расценки) и, сопя и пыхтя, азартно выколупывал оттуда подходящие или похожие на то, что я сделал за минувший месяц, работы, и «рисовал» себе зарплату. Но расценки были такие дешевые, что количество сделанных стыков и швов приходилось завышать вдвое-втрое. Однако нормировщики на центральной усадьбе прекрасно знали средние объемы по всем тракторным бригадам, и нещадно резали эти фуфловые наряды. До сих пор не понимаю, за каким чертом меня надо было держать на сель-

щине, когда куда проще было и для меня, и для бухгалтерских мудрил вести расчеты по часовой оплате. Но нет – каждый месяц с меня требовали наряды, и я уже по какому разу «переваривал» на бумаге различные конструкции. И если бы они однажды вдруг материализовались, деревенька моя вся оказалась бы под гигантским куполом, сооруженным мной из арматуры, уголков, тавровых и двутавровых балок.

На самом деле работы у меня было не так чтобы уж много, но и без дела я сидел редко. То меня везли с моим САКом в бычарню, и я торчал там целую неделю, сваривая с помогающим мне в роли слесаря дядей Леней Тарелко индивидуальные металлические клетки для большущих и страховидных племенных быков. Те загородки, что были до меня, бычары эти своими огромными мускулистыми жопами и крутыми рогами разнесли в пух и прах. Мы же с дядей Леней (он вымерял и рубил в кузнице заготовки для клетей) смастерили такие прочные загоны для почти тонных быков, что они под напором огромной силы лишь кое-где выгибались.

Закончив работу здесь, я перебирался в мастерскую – там начинался ремонт сельхозтехники к предстоящим весенним полевым работам. И трактористы тащили мне всякие лопнувшие и треснувшие детали, и я добросовестно заливал эти трещины аккуратными двухтрехслойными швами – чтобы было с запасом прочности. Однажды даже заварил трещину в чугунной головке блока двигателя МТЗ. Специальных электродов у меня не было, но я плотно наматывал на обычные МР-3 медную проволоку, она вместе с железным сердечником и плавящимся чугуном образовывала пластичный шов, который при остывании не лопался, и заваренное таким образом проблемное место в чугунном корпусе могло еще неплохо послужить.

Когда основной работы не было, брался за ожидающиеся своей очереди заказы односельчан. Чего они только не несли мне! И лопнувшие топоры, и сломанные тяпки, и развалившиеся детские санки, треснувшие рамы велосипедов и мотоциклов, прохудившиеся железные бочки... Когда возвращал отремонтированную вещь, в благодарность совали мятые рубли, трешки. Смущался и не брал. Тогда волокли «пузырь». А вот это совсем другое дело – выпить с благодарным заказчиком было никак не зазорно! Хотя и вредно – пьяным я уже варить так четко, как обычно, не мог, рука не слушалась.

Фу ты, что-то я заболтался! А все потому, что любил сварное дело. Очень мне нравилось выделывать с железом все, что хочу. Нет красивее зрелища, чем видеть через темный светофильтр фибровой маски, как под шипящей дугой электрода сталь плавится и формируется сначала в белый, почти прозрачный, затем на глазах желтеющий и покрывающийся темной окалиной, валик остывающего стального шва. Я настолько проникся своей профессией (еще с армии), что при виде любых, тесно стоящих или лежащих металлических уголков, балок, прутьев прикидывал, как лучше заварить тот или этот стык. А в деревне меня стали называть не иначе как «доктор по железу».

Но это я с электросваркой был на «ты». А был у меня на вооружении еще, как вы помните, и газосварочный аппарат, в котором я был поначалу ни бельмеса. Да у меня, собственно, и разрешения (допуска) к работе на нем не было. Просто вот так вот отдали и сказали: вари, раз ты сварщик. И мало кого волновало, что электросварщик и газосварщик – это не одно и то же. А на газозлектросварщика вообще надо учиться как в техникуме – целых три, а то и четыре года (это тогда, в 70-е. Сейчас сколько – не знаю).

Впрочем, я и не стал брыкаться. Подумал: а, ладно, освою! Я раздобыл специальное пособие и по нему изучил принцип работы с газом и кислородом. Опасная, доложу я вам, это штука. Кислородный баллон лучше не трогать замасленной рукавицей – если вентиль неплотно завернут, может рвануть. Грохнуть неслабо может и ацетиленовый аппарат, если в специальный предохранитель не залить водички. И еще куча всяких других предостережений.

Короче, я старался по возможности обходить стороной этот чертов агрегат, и даже почти жестяной листовой материал приспособился варить электросваркой тоненькими электродами – двойкой. Но когда приходилось много резать, использовать электроды для этой цели было крайне расточительно. И тогда я, что называется, помолясь, брался за резак.

Ну, не нравилась мне газосварка, хоть ты лопни. И вонь карбида терпеть не мог, и вздрагивал каждый раз при обратном «хлопке» (это когда искра из горелки вдруг стремительно улетала по шлангу обратно, к аппарату, и гасла лишь в предохранителе). Тем не менее, пересиливая себя, я отважно резал и сваривал металл ацетиленом, если это было крайне необходимо.

И вот что случилось буквально на второй или третий день после того, как я, с грехом пополам освоив теорию газосварки (признаюсь: ненавижу любую техническую литературу. Меня сразу клонит в сон, когда я начинаю читать любую инструкцию), взялся закреплять ее на практике. Надо бы разрезать большой пук толстенных арматурин на равные куски.

Ацетиленовый аппарат стоял у меня в помещении сварочного поста, а кислородный баллон лежал снаружи под стеной, шланг от него был протянут через окно. Я заправил аппарат дозой карбида, завинтил герметичную крышку, стрелка датчика давления дрогнула и поползла кверху. Газ (ацетилен) появился! Теперь дело за кислородом.

Сбежал на улицу, открыл вентиль кислородного баллона. Черный резиновый шланг, уползающий в окно мастерской, дрогнул и даже немного натужился. Так, и тут порядок! Эге, да я еще тот мастер! Все у меня получается как надо! И я, насвистывая, независимой рабочей походкой вернулся в мастерскую.

Здесь, в основном зале, стояли на ремонте пара полураскиданных гусеничных дэтешек (мотор одного из них висел на цепях тали) и один скособочившийся из-за снятого заднего колеса МТЗ-50. Мужики колдовали у техники, позвякивая гаечными ключами и негромко переговариваясь.

Я прошел в свой сварочный цех, мелом разметил места разрезов на арматуре, от спички зажег небольшую струйку газа, выбивающуюся из резака, потом добавил кислорода, снова повернул газа, опять – кислорода. И когда из сопла резака стала с громким шипением выбиваться длинная и почти белая от накала кинжальная струя огня, направил ее острый конец на край намеченного разреза. Несколько секунд – и арматурина нагрелась и «заплакала» расплавленным металлом.

Я еще добавил кислорода, он со свистом стал выдувать этот жидкий металл, ударяющийся о закопченную стену цеха и желтыми звездами рассыпающийся по земляному полу. Искры летели мне и за неплотно расстегнутый ворот рубы, залетали и за голенища сапог, прилипали к стеклам очков, но я, весь охваченный восторгом своего успешного единоборства с металлом, ничего вокруг не замечал. А отрезал очередной прут и двигался дальше, подтягивая за собой шланги, отрезал и двигался. Эх, да мне бы сейчас и сам Гефест позавидовал, увидь он, как ловко я управляюсь с огнем и металлом!

Но длился этот трудовой экстаз недолго. Внезапно я услышал за спиной сильный хлопок и последовавшее за ним яростное шипенье и глухие удары и шлепки. Я оглянулся, ничего не понимая, и остоленел. Примерно в паре метров от резака кислородный шланг перервало пополам! И тот конец шланга, который тянулся из окна от баллона, с разбойничьим свистом и шипением, как живой, мотался под давлением кислорода по мастерской, выпуская сноп пламени и искр и хлеща направо по всему, что попадалось ему на пути: по стенам, потолку, разлетающимся в стороны кускам арматуры на земляном полу.

Я сразу же понял, что произошло. Разрезав арматуру, я шагнул дальше и тащил за собой шланги. И не обратил внимания, что однажды он улегся точнехонько на еще красное. неостывшее место разреза, и перегорел. А вырвавшийся наружу через дыру кислород раздул этот огонь и довершил дело до конца, окончательно разорвав шланг. И он стал вертеться по цеху под давлением, разгораясь все больше.

Вот этот черный огнедышащий змей уже летит и в мою сторону. Я резко нагнулся, накрыв голову руками, и кинулся к выходу. Но конец шланга все же настиг меня в дверях и наотмашь хлестнул по горбу.

Я высочил в ремонтный зал мастерской в снопе искр и в облаке дыма, как чудом вырвавшийся из преисподней грешник, а в дверном проеме за моей спиной с шипеньем мотался злобный, плюющийся огнем шланг, пытаюсь еще раз достать меня.

Все, кто был в мастерской (а было там человек шесть, не считая тех, кто торчал в это время в курилке и резался в домино) бросили свои дела и с испугом уставились на меня.

У меня же в голове в это время была одна доминанта: надо всех спасать! Я же бросил работающий резак, а его, может, уже прибило к ацетиленовому аппарату. Кроме того, может рвануть и кислородный баллон. Короче, караул!

– Мужики-и! – заорал я. – Все на улицу! Щас рванет, на фиг!

Мужиков долго уговаривать не пришлось. Лучшим подтверждением моей угрозе был виден через открытую дверь сварочного цеха беспорядочно мечущийся там шланг, из горящего конца которого, как из сопла, с шипением вырывались струи пламени.

Ближе всех к небольшой двери, вделанной в глухие ворота для заезда техники, оказались грузный тракторист дядя Паша Дорн и худенький мастер-наладчик дядя Витя Бондаренко. Они-то и ринулись первыми спасать свои жизни. Но, вбив свои тела в узкий дверной проем одновременно, наглухо застряли в нем и отрезали путь к отступлению остальным, в том числе и мне. А жить, братцы, очень хотелось! И я кинулся отдирать засовы, чтобы распахнуть сами ворота. Мне помогал, судорожно пытаясь, мой сосед Вася Чобану. Но засовы непонятно каким образом заело, и ворота не хотели распахиваться. И тогда Вася, имевший крепкую комплекцию, отбежал назад и, выставив вперед плечо, бросился на закупоривших дверь и жутко матерящихся от страха Дорна и Бондаренко. Он вышиб их с одного удара, как лихой гуляка пробку из бутылки, и путь к спасению был открыт.

Все мужики высыпали из мастерской наружу и, отбежав от нее на всякий случай еще метров с десятков, стали ждать, когда же, наконец, рванет.

– Ну ты, блин, учудил! – гудел мне в ухо Вася Чобану. – А если мастерская развалится, где мы будем тракторы чинить?

– А пусть развалится, – сипел мне в другое ухо дядя Витя Бондаренко. – Можя, тогда совхоз новую постройт. А это же сарай, а не мастерская...

Я уныло кивал им обоим, проворачивая в уме последствия надвигающейся катастрофы. Ландо, если просто уволят. А если заставят выплачивать ущерб? Это ж какие деньжищи?

– Ну, и чего вы тут столпились?

Это нас всех вместе спросил только что подъехавший на бортовом ГАЗ-51 вернувшийся с центральной усадьбы с запчастями наш механик Петр Тимофеевич Маскаев. Он был старше меня всего лет на десять, но выглядел и вел себя так, будто ему все пятьдесят. И еще этот человек все умел и знал. Ко мне Петр Тимофеевич сначала относился настороженно. Особенно после того, как я, осваивая езду на тракторе МТЗ с САКом в прицепе, перепутал педаль тормоза с газом и наехал во дворе ремонтной мастерской на только что отремонтированную сеялку, погнув ее во всевозможных местах. Но когда со временем увидел, какой я такой весь из себя старательный как сварщик, почти зауважал.

– Вон у своего сварного спроси, – тут же мстительно съябедничал дядя Паша Дорн, потирая ушибленный Васей Чобану бок.

– Ну? – уставился на меня своими серыми холодными глазами механик.

Спотыкаясь, я как можно короче изложил суть проблемы. Механик хмыкнул и, мотнув головой (дескать, дуй за мной), быстро пошел туда, где под стеной мастерской лежал кислородный баллон. В моем цеху была два застекленных окна. Теперь стекол не осталось ни в одном – все были выбиты разбушевавшимся концом оборванного шланга. Он и сейчас продолжал хле-

стать по стенам помещения, разбрызгивая огненные искры. Само помещение цеха не загорелось только потому, что было выложено из саманных кирпичей.

Петр Тимофеевич подбежал к кислородному баллону и... завинтил вентиль подачи кислорода. Шланг там, за стеной, что-то еще прошипел недовольно и безвольно опал, выдыхая из своего опаленного обрубка остатки искр и дыма.

– Сам-то че, не догадался? – буркнул мне механик. – Такой переполох устроил, понимаешь ли. Иди давай, устраняй последствия.

Сказать, что я был сконфужен, значит, ничего не сказать. Я был раздавлен. И, пряча глаза от натягивающих на свои, только что бывшими испуганными и растерянными, рожи ехидные и насмешливые маски механизаторов, рванул в цех.

Там жутко воняло горелой резиной и карбидом. Но как раз наступило время обеденного перерыва, все мужики ушли по домам подкрепиться, щедро насавав мне по пути всяческих приятных пожеланий. А я остался на работе и устроил в мастерской грандиозный сквозняк, распахнув настежь все ворота и двери, какие только были. Этот мартовский весенний день как по заказу выдался очень ветреным, и уже через полчаса вонь выветрилась.

Разбитые стекла в окнах мне заменил наш плотник Яков Панкратыч, которому я недавно сварил металлические ворота для его двора за символическую плату – литр водки. Ну, а с порванным кислородным шлангом разобрался сам – выкинул тот кусок, который оставался на резке, заново насадив на него шестиметровый остаток. Правда, для симметрии пришлось укорачивать и шланг от ацетиленового баллона, но на такую мелочь можно было и не обращать внимания. Главное, что никто не взорвался, ничто не рухнуло и никого не угробило. И с работы меня не турнули.

Правда, вскоре я сам с нее ушел. Меня взяли в штат нашей районной газеты, куда я после армии начал пописывать заметки и рассказы. Но перед этим...

На полевом стане (была уборка) ко мне подъехал мой одноклассник, Колька Кубышев, тоже недавно вернувшийся из армии и работавший шофером. Он попросил нагреть некоторые гайки крепления на паре колес его грузовика. Коляну дали новую резину на замену уже практически лысой, но он никак не мог снять колеса для разбортирования, потому что гайки на них намертво приржавели к болтам. А вот эта хитрость – нагревание проблемных мест газовой горелкой, – очень хорошо помогала в таких ситуациях. Гайки расширились и легко потом отвинчивались.

– Ну, пошли, – сказал я Коляну, и направился к стоящему под навесом уже несколько дней без дела газосварочному аппарату. Туда же Колян подогнал и свой «газик». Я сыпнул в аппарат карбиду, налил воды. Пока менял резак на горелку, аппарат уже выдал ацетилен. И процесс пошел.

Я прогрел две неподдающиеся гайки с одной стороны грузовика, Колян их тут же сновисто отвинтил накидным ключом. Подтащив шланги на другую сторону машины, я стал спичками «прикуривать» потухшую горелку. И вдруг услышал знакомый негромкий хлопок – это сработала обратная искра. Я еще не успел вспомнить, залил ли воду в предохранитель, как с той стороны грузовика, где остался аппарат, раздался оглушительный взрыв.

«Ага! – подумал я. – Забыл таки...»

Одновременно с этим снизошедшим на меня озарением кто-то со страшной силой вырвал у меня из руки латунную горелку, и она, сверкая на солнце, унеслась вверх, вслед за шлангами. А те, в свою очередь, потянулись за взмывшим в синюю небесную высь цилиндром ацетиленового аппарата, из дна которого валил черный густой дым.

Он взлетел, в общем-то, невысоко – метров, может быть, на двадцать-двадцать пять. И, лениво кувыркнувшись там пару раз и обмотав себя черными шлангами, полетел обратно вниз. Прямо на нас с Коляном. Мы с ним стояли в это время у машины, задрав головы и разинув рты.

И едва успели отскочить в разные стороны, как аппарат с грохотом свалился прямо в кузов. Послышался треск досок.

– Мля! – проныл Колян. – Он мне кузов проломил!

Да ну, кузов. Всего-то пару досок, которые Колян потом заменил за каких-нибудь полчаса. А вот у аппарата оказалось напрочь вырванным днище, так что пришлось его выкидывать.

И опять я отделался легким испугом. Наверное, все по тому же объективному случаю – в штате тракторной бригады я продолжал числиться как электросварщик, а ни как не газосварщик. Так что официально мне претензий предъявить было нельзя. А кроме того, в резерве у бригады был еще один газосварочный аппарат, правда, более громоздкий и устаревшей конструкции.

Но возрождал его к жизни уже не я. И думаю, что это было к лучшему...

Чуть не убили

Наверное, каждый из нас хоть раз в своей жизни да произнес эти слова, чудом выскочив из ситуации, угрожавшей жизни. Сам я недавно отметил круглый юбилей, оглянулся на прожитое, вспомнил кое-что, и с запоздалым ужасом подумал: а ведь я запросто мог не дожить до этого своего юбилея. Как, кстати, уже треть моих одноклассников. Сейчас я понимаю, что за прошедшие годы смертушка не раз и не два обдала меня своим ледяным дыханием, но в последний момент нашлось, видимо, кому заступиться, почему я и могу сегодня писать эти строки.

Самый первый такой случай настиг меня в таком возрасте, что сам-то я об этом решительно ничего не помню. Но о том происшествии частенько вспоминала моя мама, и каждый раз костерила отца и благодарила Бога, что оставил меня, ее первенца, в живых. А произошло вот что. Мне было всего три или четыре месяца, я еще даже и не сидел (ну, ну – как вам не стыдно, друзья: на пятой точке!). Отец очень любил меня тетешкать – то есть как бы подбрасывать на руках. И вот в один из таких приступов отцовской нежности ему пришло в голову поднести меня к натянутой через всю кухню бельевой веревке, а я как будто только ждал этого и уцепился за нее обеими руками.

Отец потянул меня от нее – я не выпускал веревки. Тогда батя приспустил руки, на которых я у него сидел, вниз – я не отцеплялся.

– Вот зараза, какой цепкий! – пробормотал мой папашка. – А так?

И на мгновение убрал от меня руки. Я висел!

– Мать, смотри: висит! – восхищенно заорал отец, повернув голову к накрывающей стол матери. На это у него ушла секунда. Может, две. Но их хватило, чтобы я почувствовал себя уставшим («что я вам, акробат, что ли?»), и разжал пальцы. Батя обернулся на глухой стук. И нашу хату огласил тройной рев: мой, отца и матери.

Потом я затих и посинел. Еще бы: практически грудной младенец грохнулся на пол почти с двухметровой высоты. Меня, видимо, спас половичок. Он был хоть и не толстый, но не дал расколоться моей черепушке. И удивительно – я оклемался!

Потом жизнь моя протекала вроде бы без особых происшествий. Но затем два раза подряд я вновь оказывался на грани жизни и смерти. Первый раз – это когда тринадцатилетним пацаном решил переплыть Иртыш.

Он у моей деревни не особенно широкий, может быть, метров триста-четырееста. Но течение у Иртыша достаточно сильное, и с учетом того, что тебя во время заплыва сносит далеко, приходится в общей сложности преодолевать не меньше километра. Для взрослого это, может быть, и пустяк (хотя не для каждого – нужно все-таки иметь хорошие навыки в плавании, чтобы преодолеть столь серьезную реку), а для пацана такой заплыв – большое испытание.

Я сначала долго тренировался на другом водоеме – нешироком пойменном озере Долгое, переплыв его несколько раз подряд без роздыху. И потому в один прекрасный июльский день на ту сторону, уже Иртыша, я переплыл без особых проблем, «на махах». Когда уставал, плыл боком, на спине, «солдатиком». Но долго отдыхать было нельзя – течение могло снести меня, черт знает куда. Я и так уже не видел пацанов, с кем пришел на рыбалку в тот день и кто стал свидетелем моего героического заплыва – меня снесло за поворот.

Спустя минут сорок я все же нащупал ногами илистое дно и на цыпочках, пока еще по горло в воде, пошел к пустынному берегу, заросшему в десятке метров от песчаной полосы тальником и шиповником.

Когда выбрался на сушу, у меня от слабости дрожали ноги, от холода прыгали губы, хотя день был жарким. Я упал на горячий песок и неподвижно лежал минут двадцать, отогреваясь и набираясь новых сил для возвращения назад. Меня кусали комары, жалили

оводы, но сил отбиваться от них почти не было. И я с отчаянием и страхом думал: а как же я вернусь обратно, если не могу пошевелить ни рукой, ни ногой? Они у меня стали как ватные.

Переплыть с кем-нибудь реку обратно на попутной лодке и думать было нечего – на этой стороне Иртыша поселений поблизости не было. Во-вторых, это бы означало, что я таки сдрейфил и не одолел Иртыша, который к названному мной возрасту считал своим долгом переплыть всякий уважающий себя «чебак» – так называли коренных обитателей моей деревни, потомственных прииртышских казаков. Я не был потомственным казаком, но и меня «до кучи называли» чебаком. А что за чебак, боящийся реки?

И я лежал и лежал под тихий шелест лениво набегающих на берег волн, под негромкий шорох шевелящихся на ветерке тальниковых зарослей, щебетанье скачущих по их ветвям каких-то пичужек. И набирался новых сил.

В конце концов, я почувствовал себя вполне сносно, помню еще, что жутко захотел при этом есть, вскочил на ноги и сначала пошел, а потом и побежал по берегу вверх по реке, шлепая босыми подошвами по влажному песку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.